
**К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЭТА-СТИЛИСТА
РУССКОГО СЕРЕБРЯННОГО ВЕКА
НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА ГУМИЛЕВА
(1886—1921)**

От редакции. В плеяде выдающихся русских поэтов конца XIX — начала XX вв. фигура Николая Гумилева стоит несколько особняком, хотя бы даже и проживая в Царском селе в одно и то же время с Анненским и Ахматовой — с последней в семейном союзе, а Иннокентия Анненского Гумилев полагал своим «поразительным учителем»:

*Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.*

«Лебеди Царского Села», — назвал эту поэтическую тройку Николай Оцуп, поэт русского зарубежья (1894—1958), в своей сорбонской диссертации, сам уже ученик Гумилева. А между ними и первой тройкой «лебедей Царского Села» — Жуковским, Пушкиным и Карамзиным суть все русское литературное пространство XIX века...

В Гумилеве, даже на фоне многоликой поэтической жизни России рубежа веков, все было необычно, начиная с необычной формы головы, в которой анатом сразу видит последствия родовой травмы. А враги Гумилева сравнивали его с вечным и пустым гимназистом... Гимназичеством они полагали, разумеется, и его опьянение природой, свободными просторами и вообще его личность героя легенды (Н. Оцуп): его путешествия в Восточную Африку — в Сомали и Абиссинию, кстати, которой в те годы так интересовался императорский генштаб... и откуда он привозил все новые и новые книги стихов. А его уход добровольцем-кавалеристом на войну: три солдатских Георгия и тяжелое ранение, загадочная командировка в Париж в 1916 году? И одновременно он возглавляет литературное направление акмеизма, в поэзии его на равных ставят с Редьярдом Киплингом — певцом британского империализма. А еще малоудачный брак с Анной Ахматовой, который, впрочем, оправдан хотя бы тем, что дал жизнь Льву Николаевичу Гумилеву, выдающемуся советскому ученому, создателю науки этногенеза, имя которого по праву может быть названо рядом с академиком В. И. Вернадским...

И сколько было бы этих «а еще», если бы не расстрел поэта по обвинению в контрреволюционной деятельности. Кстати, весьма неактивной деятельности. И здесь все те же легенды или были — опоздавшее на полчаса распоряжение об отмене казни, вымоленное Горьким.

Но при всех легендах и былях столь неординарной личности Николай Гумилев для всех нас, прежде всего, поэт. И опять же, как поэт, он стоит особняком в многочисленной и многогранной когорте великого русского Серебряного века: он поэт-стилист; барокко — его стиль. Разве что Валерий Брюсов здесь его коллега, но где академик-поэт Брюсов и где Поэт (с большой буквы) Николай Гумилев?

...А впрочем, кто давно не брал в руки томики Гумилева, прочтите несколько его стихотворений, помещенных ниже.

Николай Степанович Гумилев СТИХОТВОРЕНИЯ

НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны,
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных камней.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты проходишь мечтой бездумной,
Звенья восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумье в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк — закричал — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста! —

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали
Обольстительней меня
И как только день растает,

Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам;
Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносила я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заранее.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклоняясь в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтоб жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

В БИБЛИОТЕКЕ

М. Кузмину

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп,
И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепье ночи дивной
Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик нослышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листы,
Шагреновые переплеты!

ОТРЫВОК

Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутком... о ужас!

УКРОТИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ

*...Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом баумачки.*

Анна Ахматова

Снова заученно-смелой походкой
Я приближаюсь к заветным дверям,
Звери меня дожидаются там,
Пестрые звери за крепкой решеткой.

Будут рычать и пугаться бича,
Будут сегодня еще вероломней
Или покорней... не все ли равно мне,
Если я молод и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бред)
Странного зверя, которого нет,
Он — золотой, шестикрылый, молчащий.

Долго и зорко следит он за мной
И за движеньями всеми моими,
Он никогда не играет с другими
И никогда не придет за едой.

Если мне смерть суждена на арене,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этот, незримый для публики, зверь
Первым мои перекусит колени.

Фанни, завял вами данный цветок,
Вы ж, как всегда, веселы на канате,
Зверь мой, он дремлет у вашей кровати,
Смотрит в глаза вам, как преданный дог.

ТУРКЕСТАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «к оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

— «Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана». —
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Вспоминаньем о невзгодах.

ПАМЯТИ АННЕНСКОГО

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллея.

Там вечером и страшно, и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.

РАЗГОВОР

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдье площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам, ни птицам
Не позавидует она в тиши аллея.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою земле.

«Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет "*Lap'titeTonkinoise*"».

«Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мира их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

«Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд, ведь очень небогато
И просто разубрал всевышний небеса».

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

«Вернись в меня, дитя, стань снова грязным илом,
Там, в глубине болот, холодным, скользким дном.
Ты можешь выбирать между Невой и Нилом
Отдохновению благоприятный дом».

«Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери,
И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу,
А после станешь ты растением или зверем...
Знай, иначе помочь тебе я не могу».

И все идет душа, горда своим уделом,
К несуществующим, но золотым полям,
И все спешит за ней, изнемогая, тело,
И пахнет тлением заманчиво земля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.

Мой спутник был желтый, худой, раскосый,
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал косу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном, о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай.
Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.

Пред ним я склонился в восторге тайном.
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

ВИДЕНИЕ

Лежал истомленный на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге —
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон)
— «Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твое изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье». —

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий)
— «От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слезы пред Богом неправы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы». —

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомленный
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

СТИХИ ИЗ БЕЖЕЦКОГО ЦИКЛА

Родился 02.09.1949 в д. Сергиевское Болоховского, ныне Киреевского, р-на Тульской обл., поэт, эссеист, публицист, член Союза писателей России (1997), член Международного Литературного фонда (2007), член Международной Гильдии писателей (2014). Ветеран труда (2011). Автор 10 книг. Лауреат многих международных и всероссийских премий, конкурсов и форумов. Награжден Почетными грамотами: Министерства культуры Российской Федерации (2010), Союза писателей России (2010), другими грамотами, дипломами, благодарственными письмами, юбилейными памятным медалями.

ОБЕРЕГ

От бессмысленной тоски я
Обнаружил оберег —
Убежать в края тверские,
В город славных русских рек.

Небеса реки Мологи
Лягут морем возле ног —
Смыть мороку и тревоги,
Соль и пыль моих дорог.

Ну а в речке Остречине
Есть, сказали мне, ключи,
Что кручину по дивчине
Лечат лучше, чем врачи.

И еще: похвалит если
Речка третья — Похвала,
То ко мне вернутся песни,
Что воюют против зла...

У икон поставлю свечки —
И, коль так захочет Бог,
Здесь еще четвертой речки
Мне откроется исток.

Эта речка вдохновенья! —
И по ней из года в год
За ахматовскую тенью
Гумилевская плывет.

Людям в мире этом новом
Так нужна ее вода,
Чтобы греть, как солнцем, Словом,
Словом строить города...

И, прощаясь, монастырский
Крест крещу: живи вовек
Оберег мой богатырский,
Город славных русских рек!..

ЭКСКУРСИЯ

В барском доме, бывшем доме матери поэта Николая Гумилева, где он какое-то время жил со своей женой поэтессой Анной Ахматовой, в советское время располагалась сельская школа. А сейчас там создан музей «Дом поэтов»

Храмы, скверы, льнозавод,
Остречина и Молога...
Ах, какой экскурсовод!
И поэт — каких немного!

Сам Геннадий Иванов —
Неужели не слышали? —
Древность Бежецка и новь
Комментирует стихами.

Как же любит край он сей!
Нас ведет в музей Шишкова,
В краеведческий музей...
И еще в один, где школа

Его первая была,
Где учился и при этом
Чья, не знал, к нему сошла
Благодать — и стал поэтом.

Лишь потом, когда страна,
Устыдясь запретов косных,
Назвала их имена —
Он узнал великих крестных...

Нам таких судьбою школ
Не дано — и, чуть ревнуя,

Мы пойдем за ним пешком
В даль, заветную, родную:

На ахматовский порог,
Под окошки Гумилева —
Как велит сыновний долг
И наследственное Слово...

ДИВАН

В Градницах, в «Доме поэтов»,
Много хороших предметов.
Можно в просторной гостиной
Полюбоваться картиной,
Той, где на фоне сирени
Девушка-стихотворенье —
С видом печальной гадалки
В красном своем полushалке.

Можно на стульчике старом
Сесть, как случилось и барам,
За этот (копия, что ли?)
Маленький письменный столик
И, зажигая подсвечник,
В сумерках зимних ли, вешних —
Чудный сонет о любви
Другу оставить в альбоме.

И даже можно у бюста
Мудрого Льва Гумилева
О людоедстве искусства
Молвить горячее слово,
Ибо нередкая плата
За сотворенье шедевра —
Пуля, петля или плаха!
А не рубли и не евро.

Многое можно сегодня...
Но я стою у дивана,
Где было Богу угодно,
Чтобы спала наша Анна.
Узко ей было, хрустко
Спать — я читал об этом.
Как страстотерпцам русским —
Так и большим поэтам?
Может бы, ей — на сено,
К звездам, к поющей птице?..

Здесь на стене висела
Икона «Христос в темнице»...

**ПАМЯТНИК
ГУМИЛЕВЫМ И АХМАТОВОЙ
В БЕЖЕЦКЕ**

Теперь молчу, теперь не лезу в спор я:
Зачем они сошлись, как день и ночь,
Сын Балтики седой и Черноморья
Сверкающего дочь.

И для чего — на счастье ли, печали,
Соперничество, вечную борьбу? —
Их ангелы беспечные венчали,
Одну даря судьбу...

Она сегодня — в полный рост и в кресле,
А он — высокий скромный барельеф.
Да, разные!
Но высекались песни!
И с ними — сын их Лев!

Ах, памятник — их вечное свиданье,
Тот мудрый Божий промысел яви
И укрепи нас в кротости — в страданье
И в яростной любви!..

* * *

Памяти Николая Гумилева

Мне тяжело, подвалов душных
Вдыхая гниль, вживаться в мир
Тех подземелий гэгэушных,
Где был расстрелян мой кумир.

Где под конвоем привидений
Его вели в последний мрак
И злую силу совпадений
Вершил казенный вурдалак...

Так страшною слепой судьбою
Судьбу народа увенчал
Поэт, что чудной ворожбою
И дождь, и солнце приручал.

И горько думать мне, что Словом
Владели б и мои слова —
Но механизм волшебный сломан
Того святого колдовства.

РОССИЯ, РУСЬ...

Россия, Русь, ты столько погубила
И до меня, и на моих глазах —
Трепещет мое сердце, как рябина,
Взрастая на крови и на слезах.

Здесь так опасно русским называться,
В метель и бурю стоя посреди
Чернобыльских бескрайних резерваций
И Беловежской воющей беды.

Как трудно здесь Добрыне и Микуле:
Чуть что не так Ивану-дураку —
Двух «с» твоих
Безжалостные пули
Свистят и точкой ставятся в строку!

В твоих Торжках, Веневах и Белевах
Живем всегда мы — как перед грозой...
Но все же ум твой задний
Гумилевых
Поймет, оплавав позднею слезой!

И лишь за то одно, что на поминках
Рыдаешь ты солдатскою вдовой,
Мы будем смысл искать в твоих суглинках
И красить кровью снег передовой...

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

АРКТИКА

Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, был журналистом морской газеты, ходил в арктические плавания, автор 18 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, победитель многих конкурсов. Живет в Иерусалиме. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия), широко печатается в журналах и газетах России, а также в популярных изданиях США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдавии и других стран, переводится на иностранные языки.

1

*Николай Гумилев называл свою поэзию
Музой Дальних Странствий.*

*Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.*

Николай Гумилев

В далекой Абиссинии,
надеюсь, небо синее.
А здесь у нас, а здесь у нас,
сплошной здесь «аут» и «атас».
Волна легко кренит строку.
Стихи рисуются в дугу.
Над ними пялится звезда,
отнюдь не Южного Креста.
Глядит она на лепку букв,
как будто в буквах ищет звук.
Но кто звезде понятие дал —

какие буквы он писал?
И я не буду «Мудрой Крохой».
Иди, звезда, своей дорогой!
Иначе из нехитрых слов
ты все поймешь про НЛЮ.
«Тарелка», да, из-под воды
вспорхнула и туды-сюды.
Над нашим танкером скользнула,
к эсминцу «Смелому» прильнула.
И, помигав для куража,
пошла сквозь небо, не спеша.
Эсминец пушку вмиг нацелил.
Стрелять стрельнул он с тряской в теле.
Но выстрел был плохого сорта —
снаряд упал вблизи от борта.
А мы глазели, мы глазели,
но очень умно — мимо цели.
Поскольку вскоре под расписку
твердить пришлось, что эту «миску»
мы не видали зрячим оком.
Иначе — выявиться лохом,
сменить каюту на клетушку
в ближайшей к Амдерме «психушке».
О, нет, к таким делам бунтарским
мы не готовы в море Карском.
По курсу — норд, стаканы — чок,
а мы в рот водку, и молчок!
«Тарелки» — здесь, «тарелки» — там.
А нам? Сто грамм! И по домам!
Идем не в Абиссинию,
и держим нашу линию.
Не вправо нам, не влево нам,
комедь приемлем, но без драм.

*Рейс 1970 года, Мурманск — Амдерма,
борт танкера «Алуксне»*

2

Любят поэты бурлящее море,
«ревущее» жостью, годной в утиль.
А я, с поэтами этими споря,
я выступаю за штиль.
Отбросим слов басовое величие —
отбросим «тайфун», «ураган», «циклон».
Сегодня штормит во мне самое личное,
и не унять, только выдавить стон.
Дрожит под форштевнем Карское море.
Нептун исполняет русалкам ноктюрн.
Брызги на рубке — прилудною молью,

ветер их быстро — к ногтю.
До порта тралить еще параллели,
к чертовой Амдерме идти и идти.
Сегодня как будто два шторма спелись:
тот в Карском, и этот в груди.
Спелись и носят, как шляпку норд-остом.
Но я не Синдбад-мореход.
Ему было просто: пожалуй на остров
где Джинн обустроит сказочный грот.
Молнии в небе — острые шпоры —
тщатся пришпорить табун лошадей.
Из тесных конюшен — дизель-моторов
на волю гоню их — шпарь по воде!
Гей, молодцы — рысаки удалые,
в постромки параллелей впрягись!
Вскиньте над морем гривастые выи,
поговорим с ним «за жизнь».
Курс на мой город сейчас берут птицы.
Расселятся где-то у наших квартир.
А мне — знаю я — в новый раз не влюбиться.
Но ведь не скажешь об этом в эфир.
Любят поэты бурлящее море,
чтобы в штормах и самим побурлить.
Но штиль — это лучше сегодня — по-моему.
Завтра? До завтра надо дожить.

3

Вперевалку шагаем по лесу.
«Глянь, пьяны!» — говорком ожгло.
...Вперевалку судно у полюса,
вперевалку к полюсу шло.
И скрипели льдины натружено,
продираясь вдоль черных бортов.
Не до завтрака, не до ужина,
и ни слова насчет «по сто».
Иней крыл трюмный люк брезентовый.
Угасала в ста метрах даль.
Был как глаз от болезни базедовой
на клотике вспучен фонарь.
Вперевалку шагали к полюсу.
Ныне по лесу, к Дому кино.
Словно курс пролагаем, полосу
оставляем в траве за спиной.
Говорок: «моряки полупьяные!
С утра — гляньте — набрались уже!»
А в душе — в глубине — слова бранные
перекатываются в душе.
Мы пьянели от буйства циклона,
забывая про солнечный луч.

И, казалось, на плечи тонны
штормовых оседают туч.
Мы пьянели от радужной цвети
опаленной солнцем воды.
Мы пьянели, глотая ветер
от удачи и от беды.
Мы пьянели от мыслей тоскливых,
Счастье в чем, если жизнь — стороной?
Волны-кони! За пенную гриву
вас схватить и галопом домой.
Обрастали колючей медью
лица, меняя в неделю колор.
Мы пьянели. Но «пьянство» это
разве нам поставишь в укор?

4

Ртутный столб скончался от мороза.
Задохнулась наледью река.
Солнце на людей взирало косо,
как взирало, может быть, века.
Что века нам, если мы робели
и от солнца прятались в очки.
На заиндевелой параллели
ветры зажимали нас в тиски.
Но спасенье мы искали в книгах.
С днем сегодняшним искали связь.
Самиздат проглатывали лихо,
копировку делали, таясь.
Заходил у нас порою ум за разум.
Что там книги, если глубь и суть
человека мы читали без подсказок,
стоило в глаза его взглянуть.
Что он стоит? Крепок духом?
Выдержит? Сорвется ли в запой?
Слабому желали мы: «ни пуха!»
Сильному: «останься быть собой!»
Обходились без мудреных тестов.
Пусть их! Были — будут — есть!
Мы читали по живому, как по тексту
то, что в книгах даже не прочесть.

5

Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.
Меж деревьев бродит волком
и стихи читает ветер.
В нем полно тоски натужной,
болью страх его засеян.

Он хотел быть ветром южным,
а судьба снесла на север.
Путь теперь нелеп и долог.
А стихи? Стихи — на ветер.
Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.

6

Не будем, не будем, не будем
стонать, как луна на ветру.
Мы будем рассказывать людям
о том, чего ждать поутру.
Мы будем такими, как были.
Иными не быть уже нам
везде, где из звездной пыли
земной воздвигается храм.
Шторма... разве ищем их в море?
Но к ним пролагаем пути.
И море рифмуется с горем.
А горе всегда впереди.
Над нами высокое небо.
Под нами бездонная мгла.
И мы без движения слепы —
потомки морского орла.

Белла Верникова
(г. Иерусалим, Израиль)

**СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ ЦИКЛА
«ДОРОГИ ВОСПОМИНАНИЙ»**

Рисунок Беллы Верниковой. Иллюстрация к стихотворению Николая Гумилева «Озеро Чад»

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, член Союза писателей Израиля. Входит в редколлегию одесского альманаха «Моря». Родилась 28 ноября 1949 г. в Одессе в семье офицера. Раннее детство прошло в Иркутске, где отец служил военным геодезистом. После демобилизации отца в начале 1960-х семья вернулась в Одессу. Окончила Одесский университет, работала в Литературном музее и в университетской газете. В настоящее время работает в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме. Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии и Японии, в иностранной периодике в переводе на английский и японский языки. Автор семи книг (стихи, эссе, графика, детская книга).

ПЕТЕРБУРГ

Твоя квартирка на Морской
завязана в дорожный узел,
направо — магазин складской,
налево — сауна с джакузи.

В закрытой на замок стране
ты читал изъятые страницы
и, роясь в книжной старине,
стальные нарушал границы.

Среди бумажной шелухи
ты находил мне Гумилева,
и ты любил мои стихи
за точно сказанное слово.

И дальше строки не тебе,
а страсти выйти за пределы,
нацеленности на побег,
которая и мной владела.

Лидия Довыденко
(г. Калининград)

ГУМИЛЕВСКАЯ ОСЕНЬ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Родилась в Могилевской области БССР, окончила Гомельский государственный университет. Писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, доцент кафедры экономических наук Санкт-Петербургского университета управления и экономики (Калининградский институт экономики), главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега». Автор 16 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: «Тайны Пиллау» — 18 серий и других. Автор около тысячи теле- и радиопередач, журналистских статей, 36 научных работ. Лауреат Международного литературного конкурса «Славянские традиции», Международного литературного фестиваля «Русский стиль». Лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», межрегионального литературного конкурса имени А. Т. Твардовского «За далью даль», победитель Международной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Краснознаменск

В августе 1914 года в северо-восточной части территории нынешней Калининградской области развернулись события Первой мировой войны. Они описаны в «Красном колесе» А. И. Солженицына, «Зато Париж был спасен» В. И. Пикуля, «Потерянном сердце» А. И. Куприна и других произведениях. Но практически отсутствуют художественные исследования по второму прусскому наступлению русской армии, которое началось в октябре 1914 года. Исключением является документальная повесть Н. С. Гумилева «Записки кавалериста», в которой первые две главы связаны с боями в Восточной Пруссии. Поэт принял непосредственное участие в боевых действиях на территории Калининградской области (Ширвиндт — поселок Кутузово, Пилькаллен — поселок Добровольск, Ласденен — город Краснознаменск, Шилленен — поселок Победино) в течение десяти суток, с 17 по 27 октября 1914 года.

26 октября 2002 года в поселке Победино Краснознаменского района, во дворе школы на большом камне из красного гранита была установлена мемориальная доска, посвященная Н. С. Гумилеву. Ее авторы — художники, скульпторы Людмила Богатова и Олег Сальников. Они попытались создать образ воина и поэта в форме улан-

ского полка с развевающимся за спиной плащом, на котором просматриваются скачущие всадники. «Осенью 1914 года в бою за Шилленен — ныне Победино — участвовал великий русский поэт, кавалерист Николай Гумилев», — гласит надпись на памятной доске.

*И теперь мы ходим по дорогам,
Где его разбросаны следы, —*

написала учитель школы Нина Цветкова к открытию памятника.

Ежегодно мероприятия в память о поэте проходят в октябре в Краснознаменском районе. Есть теперь в России не только Болдинская, но и Гумилевская осень! Приезжают калининградские ученые, писатели, творческие люди, краеведы, представители города-побратима — Краснознаменска Московской области, а наши краснознаменцы принимают у себя гостей. В приподнятой атмосфере стихи поэта звучат, как будто только что написаны:

*И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте.*

Война идей

Германия в Первую мировую войну в своем стремлении к гегемонии ставила себе целью ослабление Франции, сокрушение России, уничтожение ее влияния на страны Восточной Европы. Тогда Германия могла бы говорить на равных с Америкой и Британской империей, контролируя зону от Пиренеев до Мемеля, от Черного до Северного морей, от Средиземного до Балтийского моря, Германия тогда могла бы позволить себе конкурировать с Соединенными Штатами за мировое экономическое господство. Причем фельдмаршал Мольтке-младший утверждал, что славянские народы и Россия слишком отстали в культурном отношении, чтобы взять на себя руководство человечеством, а Германия определит развитие человечества на несколько столетий. Также канцлер Бетман-Гольвег считал необходимым после войны заключить договор с побежденными Англией и Францией против России, чтобы вычеркнуть ее из европейского контекста. Для этого он уже в августе 1914 года сформулировал два основных направления деятельности: использовать подрывные действия для будущего ослабления России и создать несколько буферных государств между Россией и Германией-Австро-Венгрией для отбрасывания России назад «так далеко, как это возможно».

Решение таких задач требовало небывалого напряжения. Германия демонстрировала поразительный военный потенциал и организационную силу. Уже в начале войны выяснилось, что готовая к жертвам русская армия, несмотря на подвижность и готовность к потерям, не может возобладать над научно организованной военной маши-

ной германцев. Но и Германия не смогла реализовать заявленные цели. Что же противопоставила Россия высокоорганизованному германо-австро-венгерскому союзу?

Сверхнациональный, сверхпартийный смысл настоящей войны — вот что, по мнению философа Е. Н. Трубецкого, составляет силу России, славян и их союзников. Задаваясь вопросом о значении идей в истории, о смысле подвига и веры в праведность освободительной войны, философ размышляет и об исторической роли и судьбе России. Превращение Европы в «культурную орду, где все народы служат рабами одного», на взгляд философа, совершенно недопустимо для России. Так, волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное Я: «Именно тогда она становится сама собою, именно тогда она обретает свой собственный образ Божий, когда она освобождает другие народы; так есть, так было и так будет».

«России нужно чувствовать,— писал Евгений Трубецкой,— что она служит не себе только, а всему человечеству, всему миру». В этой черте, на его взгляд, есть что-то изначальное, что составляет самую сущность России: «Когда мы освобождаем угнетенные пароды, мы всегда неизменно чувствуем, что это именно и есть настоящее дело России, то единственно существенное дело, ради которого стоит воевать»*.

Охотник

Путешественник и отличный стрелок, дважды побывавший в Африке, где обучился охотиться, целясь левым глазом и стреляя с левого плеча, с началом войны Гумилев добился переосвидетельствования состояния здоровья, так как еще в 1907 году был освобожден от службы в армии из-за «близорукости правого глаза и некоторого косоглазия», и был принят вольноопределяющимся или, как говорили в те времена, «охотником» в сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде.

Гумилев сам выбрал кавалерию («Люблю на необъезженном коне // Нестись по лугу, пахнущему тмином...»), уже в начале сентября 1914 года он находится в Кречевицких казармах под Новгородом, где проходит учебный курс военной службы. «А на стрельбе и Гумилев, и я одинаково были на первом месте»,— вспоминал Ю. В. Янишевский.

Поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и гомеровскую «Илиаду». Как писал А. Я. Левинсон, «патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание».

Из Кречевиц Гумилев вместе с другими вольноопределяющимися был направлен во 2-й маршевый эскадрон Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка и прибыл в Литву, в Россиены, 30 сентября 1914 года. Россиены сейчас называются городом Рассейняй; он расположен поблизости от Каунаса (тогда Ковно). В течение двух недель в Россиенах с вновь прибывшими нижними чинами, среди которых был поэт Гумилев, проводились ежедневные учения пешим строем и на лошадях. Первое стихотворение о войне «Наступление» написано именно в Россиенах под впечатлением рассказов его однополчан, уже участвовавших в Гумбиненской операции:

*Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

* Трубецкой Е. Н. Смысл войны // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. (Мыслители XX века). С. 352

14 октября Лейб-Гвардии Уланский полк включили в состав 1-й отдельной кавалерийской бригады, в 3-й Армейский корпус. Командиром бригады был генерал-майор барон Майдель (у Гумилева в «Записках кавалериста» генерал М.). Лейб-Гвардии Уланским полком командовал полковник Дмитрий Максимович Княжевич. В полку было шесть эскадронов, первый эскадрон обозначался как эскадрон Ее Величества (ЕВ), куда и был зачислен Николай Гумилев.

«Священные дни»

В период с 17 по 27 октября была предпринята вторая попытка наступления российских войск в Восточной Пруссии. 17 октября с боем были взяты Владиславов (ныне г. Кудиркос-Науместис в Литве) и Ширвиндт (ныне пос. Кутузово Калининградской области). Перед эскадронами Уланского полка стояла задача — разведывать расположение противника. Если в немецких войсках была хорошо поставлена разведка с воздуха, то у российских самолетов не хватало мощности долететь до границы с Восточной Пруссией, и поэтому в разведку отправлялись конные разъезды. Они обнаруживали противника и вызвали огонь русской артиллерии на себя. В течение десяти суток Гумилев находится в разъездах, дозорах, участвуя в атаках, прикрывая артиллерию, проводя усиленную разведку и осуществляя сторожевое охранение. С 21 по 24 октября Уланский полк располагался вдоль границы с Пруссией по реке Шешупе, в окрестных деревнях Бобтеле, Кубилеле, Рудзе, Мейшты, Уссейне (не сохранились). Единственный путь для наступления нашей конницы был на Шилленен (Победино). Вот как пишет об этом Гумилев: «Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была — заставить заговорить артиллерию, и та, действительно, заговорила».

23 и 24 октября эскадроны Уланского полка продолжали усиленную разведку. «На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения».

25 октября началось наступление российских войск. «Через несколько дней в одно прекрасное утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту». Уланский полк Гумилева двигался по шоссе. Два немецких эскадрона и 50 велосипедистов были выбиты из Шилленена, отошли на Ласденен. Уланский полк заночевал в усадьбе Бартковен (теперь не существует), которую Гумилев описал так в «Записках кавалериста»: «Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег». 26 октября наступление русских войск

было продолжено. Гумилев записывал: «На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал по полю, шагах в трехстах от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хотя бы ландштурмистов. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато очень увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впиалась в дверной косяк вершка на два от моей головы».

Барон Майдель докладывал о бое 26 октября командиру 3-го корпуса генералу Епанчину: «...благодаря доблести Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, как господ офицеров, так и нижних чинов, полк этот показал блестящие примеры храбрости». По разным причинам (возможно, потому что полк очень берегли) Лейб-Гвардии Уланский полк было решено вернуть в Россиены. Как пишет Гумилев: «Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт. Новизна всегда пленяет солдат, но, когда я посмотрел на звезды и вдохнул ночной ветер, мне вдруг стало очень грустно расставаться с небом, под которым я как-никак получил мое боевое крещение»*. В Ковно Гумилев находился до 8 ноября, а затем был получен приказ о следовании в Ивангород (сейчас город Демблин в Польше). Первые дни войны поэтом воспринимаются как «священные»: «Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и в первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному, и поэтому исключаящему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя».

«Лучшее время жизни»

Гумилев отправил 1 ноября из Ковно письмо Михаилу Лозинскому: «...я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, шелканье винтовок, направленных на тебя,— я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка... Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов,— а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступлении все герои, при отступлении все трусы — это относится и к нам, и к германцам...»

«Война», «Солнце духа» и «Священные плывут и тают ночи» написаны под впечатлением «боевого крещения».

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

*Тружеников, медленно идущих,
на полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.*

* Там же. С. 536.

Стихи Гумилева о войне относят к лучшим во всей «военной» поэзии в русской литературе, где выразилось его религиозное восприятие войны. Сборник «Колчан», куда вошли его первые стихи о войне, поэт давал на отзыв философу о. Сергию Булгакову. Об отзыве неизвестно. Но большинство критиков оценило военную лирику Николая Гумилева как «высшее достижение русской и мировой поэзии в этом жанре», потому что «он не только описывает реальность — он ею живет» (И. Анненский), «любовь к родине, сознание живого долга перед ней и чувство личной чести... — по этим трем пунктам всегда готов был заплатить собственной жизнью» (А. И. Куприн).

*...Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.*

«Сокровищница культуры духа» может пополняться в дни общего «повышения жизни», как выразился Е. Н. Трубецкой, определяя духовный смысл войны в ее первые месяцы, когда весь многовековой культурный опыт начинает переосмысливаться и ощущаться иначе: «Нас как-то глубже захватывает и красота русской природы, и наша своеобразная мелодия, и вся вообще духовная глубина русского искусства». Военные стихи Гумилева — одно из наиболее ясных откровений духовного смысла войны. Анна Ахматова писала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шел в тюрьму, то взял с собой «Илиаду»... Он любил вспоминать себя солдатом: «И святой Георгий тронул дважды // Пулею нетронутую грудь...» («Память»)

«Солнце духа»

А тема прусского неба, «древнего и высокого», в которое Николай Гумилев всматривался в свои первые фронтовые дни, его «священные дни» получили продолжение в стихах последнего сборника Гумилева «Огненный столп». Это книга, в которой собраны «вершинные», зрелые стихи. Многомерные образы в ней дышат космическими интуициями, метафизическими прозрениями. Высокой красоты и силы поэтическое слово наполнено мудрой философской мыслью.

Одно из сложнейших стихотворений «Заблудившийся трамвай».

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...*

Стихотворение оказалось прощальным признанием в историческом «буране», будто вырывающем у Судьбы какую-то весть о гибельном спасении мира.

Гумилев писал, что человеческому духу свойственно сводить все к единому. Стихи и религия — одно, слово поэта обладает магической силой. Здесь мне думается, что эта мысль Гумилева сближает его с Платоном, который мечтал, чтобы философы правили миром. Поэт для Гумилева — человек, способный при помощи слова овладеть пространством и временем, прошлым и будущим. Величественный гимн Слову,

его таинству и чудотворству, его возвышению над «низкой жизнью» создал Гумилев. Он все в себе подчинил Слову; отсвет этого Слова лег на его легендарную судьбу. Обреченности человека «идти все мимо» прекрасного, непониманию и равнодушию к глубоким корням и причинам существования человека на земле поэт противопоставляет осознанность в желании идти глубже в познании природы, причин бытия, сущности живого. «Бессмертные стихи» дают не уже имеющееся, а то, что можно дать еще: осознание и мудрость.

В стихотворении «Мои читатели» (сборник «Огненный столп») Гумилев, отвечая себе на вопрос, чем будет «любезен он народу», возвращался к своим военным годам, когда в полной мере постиг науку «не бояться»: «Когда вокруг свищут пули, // Когда волны ломают борта... // Я учу их, как не бояться, // не бояться и делать, что надо...»

Духовное рыцарство и «героику» выделил в творчестве поэта представитель Русского Зарубежья Роман Плетнев: «Сообщение мое касается героики и героя, воина и поэта, человека вещего духа предсказаний, веры и возвышенного слова о Слове-ипостаси и о поэзии. Помнил, видно, Гумилев слова апостола Павла: «Все мне дозволено, но не все мне полезно... и ничто не должно обладать мною». Все испытал Николай Степанович, от наркотиков до страстной любви к женщине, и ничто не покорило его дух, его силы и сердце... Одно разве — героика.

Радостно и гордо имя его, и хочется говорить о поэте, даровавшем нам кованые или звонко литые стихи — силы духа. В них мощь дыхания, предметная ясность, конкретность впечатляющего изображения. Но важнее всего в них и в жизни Гумилева храбрость, доблесть, герой и героизм. В наше же время лжи и трусости герой и его вера, слово и дело важнее всего. Герой — это тот, кто ради великого, ради божеского, ради человечности жертвует собой. Восторг победы над слабостью и трусостью, над податливой мягкотелостью немощной доброты; великий порыв в борьбе есть истинный героизм»^{*}.

«Солнце духа» зажигается сегодня в пробуждающейся России, ясно горит в бодрствующих сердцах. Читающая Россия совершает паломничество в Михайловское — к Пушкину, и в Краснознаменский район, в Калининградскую область, «чтобы вдохнуть тот же воздух», прочувствовать Гумилевскую осень.

^{*} Плетнев Р. Записки русской академической группы в США. 1972. Т. VI.